
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА

(80-е ГОДЫ XVIII в.)

О. П. МАРКОВА

Данная статья посвящена изучению дипломатической истории крымского вопроса 80-х годов XVIII в. Незнание этой проблемы послужило причиной господства в историографии восточного вопроса ошибочного утверждения о том, что в 80-х годах XVIII в. был создан реальный русский план завоевания Константинополя.

Главной задачей восточной политики России в XVIII в. была задача обеспечения для России свободных выходов в открытые моря. Русская политика этого периода проводилась во имя «государственных польз», но под «государственной пользой» прежде всего подразумевалась выгода правящих классов дворянской монархии. Объективные последствия восточной политики 60—80-х годов имели, однако, общенародное значение, причем не только для России, но и для Балканского полуострова и Кавказа — для всех народов, угнетавшихся Османской империей. Укрепление братских чувств и связей между этими народами и русским народом благоприятствовало росту их национально-освободительного движения. Войны, которые вела Россия с Турцией, кровь ее сынов способствовали торжеству этого движения и образованию самостоятельных государств, в том числе и Греческого государства. Турецкое владычество на Черном море препятствовало развитию экономических связей между народами Южной России, Кавказа и Европы, установило турецкий контроль в устьях главных рек русской равнины, превратило Черное море в закрытое внутреннее озеро с безраздельным господством на нем турецкого флага. Это владычество искусственно задерживало рост русской торговли и колонизацию черноморских степей.

Кючук-Кайнарджийский мир, установивший для России свободу торгового мореплавания на Черном море, фактически полной свободы не обеспечил. Формальные придиры турецких властей стесняли развитие торговли¹.

Восточная политика России в 80-х годах была направлена на дальнейшее обеспечение права свободной торговли и открытие для нее черноморских проливов, так как тот, «кто держит их в своих руках, тот может

¹ Когда, например, в середине 80-х годов французским торговым домом Ангуана был отправлен из Херсона в Марсель закупленный им корабельный лес, суда не были пропущены через Босфор. Поводом для отказа послужило несоответствие величины судов величине, установленной русско-турецким соглашением. На малых же судах провезти этот груз было нельзя. (Записка Г. А. Потемкина, 1787 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 90, л. 9об.)

по произволу открывать и закрывать доступ к этому отдаленному уголку Средиземного моря»².

Политика по обеспечению выходов в открытые моря вызывала, однако, антирусскую борьбу со стороны правительств тех западноевропейских государств, которые стремились к захвату торговых путей всего мира и к безраздельному господству на них. Раздувание агрессивных замыслов России с целью возбуждения недоверия и вражды к ней были одним из приемов этой борьбы. Агрессивность политики России на Ближнем и Среднем Востоке не только преувеличивалась, но и нередко относилась за счет «национального характера» русского народа. В периоды восточных кризисов нападки на Россию в зарубежной печати переходили нередко в руссофобию, возбуждая антирусские настроения и чувства.

Наиболее эффективным оружием антирусской борьбы являлись апокрифическое «завещание» Петра I и так называемый греческий проект Екатерины II.

Термин «греческий проект» превратился в формулу завоевательных замыслов России, весьма удобную для политических спекуляций, как и разоблаченная фальшивка — «завещание» Петра I. Так, Наполеон I, добываясь союза с Турцией и Ираном, запугивал их и французский Сенат «греческим проектом». «Восстановленная греческая корона, торжествующая от Балтийского до Средиземного моря», — писал Наполеон Сенату, угрожала бы нападением «фанатиков и варваров» на французские провинции и гибелью цивилизации³. Однако стремясь к дружбе с Россией, он не менее энергично соблазнял «греческим проектом» сначала Павла, потом Александра. Наконец, готовясь к походу на Россию, Наполеон поднимал виновственность французов с помощью «завещания» Петра I, которое излагало ни более, ни менее, как программу завоевания Россией мирового господства⁴.

Зарубежная публицистическая и историческая литература, уделяющая внимание «завещанию» Петра и «греческому проекту» Екатерины, огромна. Подобная литература появляется и в наши дни, рассматривая внешнюю политику СССР через призму «завещания» Петра I и «греческого проекта» Екатерины II⁵. Поэтому выяснение вопроса о происхождении и реальности так называемого греческого проекта имеет не только научное, но и политическое значение. С этой целью мы должны обратиться к рассмотрению международной обстановки 60—80-х годов XVIII в., когда разрешался вопрос о свободном выходе России в южные моря.

В 60—80-х годах XVIII в. восточные интересы выдвигались на первый план во внешней политике России. Англия сначала способствовала, а затем активно препятствовала разрешению задач этой политики. Политика Англии в Европе в XVIII в. была подчинена интересам ее борьбы с Францией. Франция, с ее быстро развивавшейся промышленностью и колониальными устремлениями, была не потенциальным, как Россия, но действительным соперником Англии. Англия стремилась низвести Францию на роль второстепенной державы. Недопущение союза Франции с Россией стало поэтому аксиомой внешней политики Англии. В то же время сильная капиталами Англия стремилась поставить Россию в еще большую экономическую зависимость. Внешняя торговля России на Балтийском и Белом морях уже находилась в английских руках. Делались попытки к захвату торговли и на Каспийском море. С открытием для России черноморских путей Англия стала стремиться к захвату также и черноморской торговли и путей в свои руки.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 13.

³ Послание Наполеона I Сенату, 29 января 1807 г. «Correspondance de Napoléon I-er», t. 14, Paris, 1863, p. 254.

⁴ M. L[esur]. Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'en commencement du XIX siècle, Paris, 1812.

⁵ Разбору зарубежной историографии по данному вопросу автором будет посвящена особая статья.

Отчасти по этой причине с начала активизации восточной политики России в 60-х годах, Англия настойчиво искала «сближения» и даже союза с ней. В годы первой русско-турецкой войны (1768—1774), когда Франция открыто помогала Турции, Англия неофициально помогала России, доставляя транспортные средства для переброски войск в Архипелаг, английские адмиралы занимали командные посты в русском флоте. Конкуренция феодальной России в XVIII в. для Англии еще не была опасна. «Невозможно, чтобы Россия сделалась соперницей, способной внушить нам зависть, ни как торговая, ни как военная морская держава», — писал 5 (16) марта 1770 г. посол Англии в Петербурге лорд Каскарт статс-секретарю Рошфору⁶.

В период от середины 60-х до середины 80-х годов англо-русские отношения развивались, таким образом, под знаком «дружелюбия». По мнению французских дипломатов, посол Англии в Константинополе являлся так сказать «поверенным в делах России»⁷. Вильям Питт Старший говорил: «Я совсем русский». Он был уверен, что падение Турции в результате успехов России повлечет за собой и ослабление Франции. Захват же Россией Черного моря откроет и для Англии через «дружбу» с Россией доступ в Черное море.

Руководствуясь в своей внешней политике 60—80-х годов принципом независимости, русская дипломатия, однако, уклонялась от союза с Англией. От оказания ей военной помощи, о которой Англия просила во время новых колониальных войн конца 70-х — начала 80-х годов, Россия также воздержалась. Она отказалась дать Англии солдат для войны с колониями в Северной Америке.

Неоднократные попытки английской дипломатии заключить союз с Россией, возобновлявшиеся в течение почти двадцати лет, и надежды на установление своего влияния на русскую внешнюю политику оказались тщетными. «Опыт, однако, скоро доказал Англии, — писал английский посол в Петербурге Гаррис, — на каком песчаном основании воздвигалась эта надежда. Обращений наших за помощью сначала избегали, потом их отклоняли, и наконец, их стали отвергать без всякой церемонии»⁸.

Во время войны Англии с американскими колониями русское правительство использовало ее затруднения для решения больших внешнеполитических задач. 28 февраля (11 марта) 1780 г. оно обратилось к воюющим дворам: Лондонскому, Версальскому и Мадридскому — с декларацией о вооруженном морском нейтралитете. Россия встала на путь ослабления агрессивности Англии на морских торговых путях посредством подчинения нарушителей свободы мореплавания нормам международного права.

Вооруженный нейтралитет на море, объединивший большинство европейских государств с Россией, явился серьезным шагом против тиранического господства Англии на морях, заставив ее пойти на некоторые уступки⁹. Он усилил авторитет России в международных делах.

В надежде на отказ России от правил вооруженного морского нейтралитета и на заключение с ней союза, английская дипломатия предложила России остров Минорку, при условии действительного оказания «большой и существенной» помощи Англии¹⁰. К тому же обладание островом «по-

⁶ Сб. РИО, т. 19, СПб., 1876, стр. 42—43.

⁷ Записка Фавье (1773 г.). L. P. Ségur l'aîné. Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et Louis XVI, t. I, Paris, 1802, p. 349.

⁸ Гаррис — лорду Монстюарту в Турин, 14 (25) октября 1782 г. «Русский архив», № 11, М., 1874, стлб. 860.

⁹ J. G. Büsch. Grundriss einer Geschichte der merkwürdigsten Welthandel neuerer Zeit, Hamburg, 1783, S. 428—430.

¹⁰ Постановление кабинета министров 3 января 1781 г. «The correspondence of King George The Third from 1760 to december 1783», vol. V, by sir John Fortesque, London, 1928, p. 178; статс-секретарь Стормонт—Гаррису, 20 (31) января 1781 г. «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 737—740.

давало бы постоянный повод к вражде и зависти между Россией и Францией» и, таким образом, по мнению Гарриса, расстроило бы «нейтральную лигу» и повело к тому, что Россия стала бы нуждаться в Англии¹¹. Предложение Минорки было, однако, отклонено. Отказ оказался неожиданным, так как Потемкин в разговорах с Гаррисом первый высказал мысль об уступке этого острова России¹².

Резко отрицательное отношение к декларации о вооруженном нейтралитете не ослабило стремлений английской дипломатии к установлению во внешней политике России более выгодной для нее политической системы, т. е. «венской системы».

Еще с конца 70-х годов английская дипломатия начала содействовать австро-русскому сближению. В прошлом это сближение всегда благоприятствовало целям английской политики в Европе. Оно отвлекало внимание и силы Франции к войнам на континенте, вместо того чтобы сосредоточить их на борьбе против Англии на море.

В конце 70-х годов Англия возвратилась к системе втягивания России в немецкие распри. Вследствие неприязненных отношений с Фридрихом II, стремясь к сближению с Россией, Англия желала разрыва русско-прусского союза. Вступив в это время в войну с Францией, она стремилась к ослаблению и австро-французского союза.

В декабре 1779 г. Гаррис писал английскому послу в Вене Роберту Кейту о «величайшей выгоде» тройственного союза Англии, Австрии и России. «Это еще весьма отдаленный план, и я сообщаю его под глубочайшим секретом... Мне, конечно, не нужно упоминать вам,— продолжал Гаррис,— до какой степени необходима строжайшая тайна насчет этой политической спекуляции»¹³.

11 декабря 1780 г. в заседании Кабинета Стормонта было выражено мнение о «чрезвычайной полезности» соединения Англии, Австрии и России и об инструктировании посла в Вене Кейта относительно «прокладывания пути к нему» (to pave the way to it)¹⁴. Кейт подготавливал этот союз¹⁵.

Австро-русский союз рассматривался английской дипломатией как переход к англо-русскому союзу. «Будемте стараться изо всех сил, дорогой сэр, о том, чтобы и нас допустили к участию в этом союзе»,— писал Гаррис Кейту 10 (21) января 1781 г., т. е. на другой день после того, как австрийский посол в Петербурге Людвиг Кобенцль под «величайшим секретом» предложил русскому правительству начать переговоры о союзе¹⁶. Соответствующие намеки из Лондона не встретили, однако, сочувствия в Петербурге¹⁷.

После Тешенского мира (1779 г.), при заключении которого Россия выступила в роли верховного арбитра между германскими государями, Австрия взяла решительный курс на сближение с Россией. Уже весной 1780 г. состоялось, как бы случайно, во время путешествия, свидание графа Фалькенштейна (Иосифа II) с Екатериной II в Могилеве. Оно привлекло внимание всей Европы и было встречено в Лондоне, по-видимому, с большим удовлетворением. Оттуда писали Гаррису об Иосифе «с жаром благодарности»¹⁸.

¹¹ Гаррис—Стормонту, 13 (24) декабря 1780 г. (2-е письмо), 9 (20) марта и 14 (25) июля 1781 г. «Русский архив», № 8, 1874, стлб. 438—439; № 11, 1874, стлб. 758—762, 790.

¹² Гаррис—Стормонту 13 (24) декабря 1780 г. (1-е письмо) «Русский архив», № 8, 1874, стлб. 434—438.

¹³ Гаррис—Кейту, 27 декабря (7 января) 1779 г. «Русский архив», № 1, 1874, стлб. 184.

¹⁴ «The correspondence of King George The Third», vol. V, p. 161—162.

¹⁵ J. Holland and Rose. William Pitt and national revival, London, 1911, p. 300.

¹⁶ «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 741.

¹⁷ А. А. Безбородко—Р. И. Воронцову (1781 г.) «Архив князя Воронцова», кн. XIII. М., 1879, стр. 23—25.

¹⁸ Гаррис—Кейту, июнь 1780 г. «Русский архив», № 8, 1874, стлб. 391.

Еще до этого свидания слухи о нем уже встревожили Порту. Она не верила в невинность предстоящей встречи, в чем уверял ее русский посол в Константинополе Стахийев¹⁹.

Курс на сближение с Россией был вызван интересами борьбы Австрии за гегемонию в Германии. Присоединение с помощью России Баварии или так называемого баварского наследства к австрийским владениям создало бы для Австрии перевес в этой борьбе.

Россия пошла на сближение с Австрией, имея в виду присоединение Крыма. «Дружелюбие» Австрии, союзницы Франции, казалось, надежнее обеспечивало возможность безболезненного разрешения крымского вопроса, чем сомнительная позиция Фридриха II, союзника России (прусский король предлагал тройственный союз России, Пруссии и Турции в 1779 г.). Политические интересы обоих государств толкали, таким образом, их руководителей к сближению. Под влиянием маниакальной идеи ослабления Пруссии канцлер Кауниц особенно энергично побуждал своего императора, а также посла в Петербурге графа Людвига Кобенцля к восстановлению «старой сердечной дружбы императорских дворов»²⁰.

Переписка Иосифа II с Екатериной II, переписка с матерью императрицей Марией-Терезией, с Кауницем, вице-канцлером Кобенцлем, с послом в Париже Мерси-Аржанто и другими близкими ему лицами дает живое представление о характере этой «сердечной дружбы», о той игре, какую затеяли русская и австрийская дипломатия, преследуя совершенно различные цели, не доверяя друг другу, но вместе с тем нуждаясь одна в другой²¹.

В правящих кругах России при активном участии иностранных дипломатов шла борьба вокруг вопроса о более тесном сближении с Австрией. Защитники системы «северного аккорда», базировавшейся на союзе с Пруссией²², Н. И. Панин и его партия, как противники «венской системы» потерпели поражение.

Вдохновитель политики, направленной на окончательное разрешение крымского вопроса, влиятельный друг императрицы Г. А. Потемкин содействовал установлению «венской системы» как временной меры. Точка зрения Потемкина на союз с Австрией определялась стремлением поддерживать равновесие между соперниками — Австрией и Пруссией. Политика уравнивания была наиболее выгодной для России.

Еще до переговоров о союзе Кауниц писал Кобенцлю: «Потемкин высказал, что основание русской политики заключается в поддержании совершенного равновесия между Австрией и Пруссией. В былое время в Петербурге думали иначе, и в основании договоров²³ лежала мысль, что

¹⁹ А. С. Стахийев — П. А. Румянцеву, 30 марта 1780 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 218, лл. 77—78.

²⁰ Инструкция Кауница Кобенцлю, 24 сентября 1779 г.; Записка Кауница Иосифу II, 23 апреля 1780 г. А. Beer. *Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774*, Wien, 1883, S. 42—45; Кауниц — Л. Кобенцлю, апрель 1780 г. E. Peters. *Orientpolitik Friedrichs des Grossen nach dem Frieden von Teschen (1779—1786)*, Halle, 1914, S. 19.

²¹ A. R. Arneth, Hrsg. *Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel*, Wien, 1869; A. R. Arneth. Hrsg., *Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seinen Bruder Leopold*, Bd. 3, August 1778—1780, Wien, 1868; A. Arneth. Hrsg., *Joseph II und Leopold von Toscana, Ihr Briefwechsel*, von 1781 bis 1790, vol. 1—2, Wien, 1872; A. d'Arneth et M. J. Flammarion. éd. *Correspondance secrète du comte de Mercy Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz*, t. 1—2, Paris, 1889, 1891; A. Beer. Hrsg., *Joseph II. Leopold II und Kaunitz, Ihr Briefwechsel*, Wien, 1873; S. Brunner, éd., *Correspondances intimes de l'empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince de Kaunitz*, Paris, 1871.

²² Записка Н. Панина, вице-канцлера И. Остермана и членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, представленная императрице после совещания 12 января 1781 г. ЦГАДА, ф. Гос. арх., XV р., д. 202, 1781, лл. 1—7.

²³ Кауниц имел, конечно, в виду австро-русские договоры 1726 и 1746 г.

пруссский король общий и равно опасный враг обеих держав и, что для них одинаково желательно уменьшить его силу, возврата королевство в прежние границы. В Вене взгляд этот не изменился, и старания Австрии будут и впредь направлены к той же цели», — т. е. к низведению Пруссии в ее первоначальные пределы²⁴.

Все попытки прусской дипломатии помешать австро-русскому сближению рассматривались в Петербурге как желание воспрепятствовать дальнейшему развитию восточной политики России, т. е. разрешению крымского вопроса.

Австро-русский союзный договор, заключенный весной 1781 г. в необычной форме только личных писем Иосифа и Екатерины, носил оборонительный характер. Для Австрии основное в договоре заключалось в том, что он гарантировал владения Австрии по Прагматической санкции Карла VI (1713 г.), которая на вечные времена закрепляла за Габсбургским домом его наследственные владения, разбросанные в разных частях Центральной Европы и в Италии. Эта «санкция» легко могла, таким образом, давать поводы к столкновениям. Договор как бы застраховывал Австрию от нового нападения Пруссии, но не более того.

Для России основное в союзном договоре заключалось во взаимном обязательстве военной помощи в случае нападения Турции. Эта статья была включена по настоянию русской дипломатии. Она была выгодна России, которая предполагала занять Крым, но не Австрии, которой Турция в данный момент не угрожала и на которую Австрия в свою очередь не собиралась нападать.

Оформление союза лишь личными письмами монархов свидетельствовало о том, что австро-русский договор 1781 г. не имел той силы, такую имели договоры с Австрией 1726 и 1746 гг., что союз 1781 г. ни в коем случае не носил характера военного союза, каким его иногда считали. Это был «сговор дружбы и расположения», весьма сомнительных с обеих сторон. На союз с Австрией русское правительство пошло, помня об угрожающей позиции Австрии и ее союзницы Франции в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

Несмотря на сохранение строгой тайны, слухи о заключении союза получили самое широкое распространение и вызвали волну новых устрашающих слухов о завоевательных планах России в отношении Турции. Встревоженный Иосиф предложил Екатерине заявить публично, что «договор, по поводу которого уже постарались с таким коварством и недоброжелательством поднять тревогу в целой Европе, не состоялся»²⁵. Иосиф уверял своего посла в Париже Мерси-Аржанто, что выгода сближения с Россией заключалась для него прежде всего в том, чтобы навсегда ослабить могущество Пруссии, а не в том, чтобы заниматься химерическими проектами. При заключении союза у него не было ни малейшей мысли о разрушении Османской империи²⁶. Он стремился сохранить с Францией и Турцией прежние отношения.

Фридрих II извинялся перед Екатериной за поведение своих газетчиков и журналистов. Сообщая об этом послу в Константинополе Булгакову, Екатерина распорядилась о принятии мер к успокоению Порты. Однако одновременно посол должен был поставить в известность султанское правительство, что «ничье посредство не может убедить нас уступить единый шаг из того, к чему мы право имеем»²⁷. По-видимому, имелось в виду «посредство» Франции, а намек о праве относился к Крыму.

²⁴ Кауниц — Кобенцлю, 22 августа 1780 г. А. Веер. *Die orientalische Politik Oesterreichs*, S. 47.

²⁵ Иосиф II — Екатерине II, 20 мая 1781 г. «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 247.

²⁶ Иосиф II — Мерси-Аржанто, 18 февраля 1782 г. «Correspondance secrète du comte Mercy-Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince Kaunitz», t. I, Paris, 1839, p. 87.

²⁷ Рескрипт Я. И. Булгакову (5 марта 1782 г.) Сб. РИО, т. 47, СПб., 1885, стр. 20.

Весной 1782 г. в Крыму началось восстание против хана Шагин-Гирея, ставленника России. Восстание пользовалось поддержкой Турции. Момент решительных действий в Крыму приближался. Императору Иосифу было отправлено письмо с сообщением о крымских событиях и с напоминанием о его союзных обязательствах²⁸. Ответное восторженное письмо Иосифа выражало полную готовность содействовать Екатерине. «Мне не нужно предаваться никаким соображениям, суждениям или расчетам, когда говорит мое сердце и когда дело идет об оказании услуги моей, смею так выразиться, императрице — моему другу, моей союзнице, моей героине»²⁹, — писал Иосиф, не подозревая, что содействует присоединению Крыма.

Продолжая дальнейшую дипломатическую подготовку и двинув войска в Крым, Екатерина II обратилась к Иосифу с новым письмом, в котором сообщила об ультиматуме, предъявленном ею Турции, и высказала свои соображения по вопросу о «вознаграждении» Австрии и России в случае войны с Турцией. Секретной статьей австро-русского договора 1781 г. предусматривалось в случае войны, вызванной Турцией, заключение особой секретной конвенции о мерах обеспечения безопасности государственных границ и определение «вознаграждения» за убытки, причиненные войной, происшедшей не по вине договаривающихся. Вопрос о конвенции и послужил формальным поводом для обращения к Иосифу.

Письмо императрицы Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г., а также и другие как более ранние, так и позднейшие неофициальные высказывания русских дипломатов по модной теме об изгнании турок из Европы и есть тот основной материал, который способствовал возникновению мифа о существовании реального плана завоевания Константинополя и установления господства России над Европой.

Документ частной переписки Иосифа и Екатерины — письмо от 10 сентября³⁰ с рассуждениями о разделе Турции и восстановлении Греческой (Восточной) империи лишено черт реальной политической программы, которую бы разрабатывали и собирались выполнять. Легкость, с которой разрешались в этом письме острые проблемы международных отношений, заставляет смотреть на письмо как на провокационный шаг русской дипломатии, как на документ макиавеллистической политики.

Обозревая отношения держав, императрица проявляет большой оптимизм: оказывается, все складывается в пользу ее предположений. Опасаться некого: одни державы слабы, другие дружественны, третьи пассивны. Польша не может помешать военным успехам России и Австрии в силу своей природной слабости. Дания, страж Балтийского моря, дружна с Россией и может быть полезна против Швеции, Швеция опасна только в случае помощи ей от какой-либо иной державы. Англия и Франция ослаблены жестокой войной. Помимо того, Англия многим обязана Австрии, а от России даже находится в некоторого рода зависимости. «Англия не может не отдать справедливости беспристрастию, оказанному в. н. в-вом в настоящую войну и вашему посредничеству и не признать ваших дружественных услуг для восстановления мира и для спасения этой державы от бездны, в которую она, так сказать, добровольно ввергла себя», — писала императрица³¹, рассчитывая на признательность Англии и по отношению к себе. Россия тоже якобы делала «все, что только было возможно», чтобы «направить дела на путь, в котором так нуждалась Англия». Мало этого, новая система, принятая на море, «ставит торговые интересы Англии в некоторого рода зависимость от России»... Итак,

²⁸ Екатерина II — Иосифу II, 15 июня 1782 г. «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 277—278.

²⁹ Иосиф II — Екатерине II, 12 июля 1782 г. «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 278.

³⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, лл. 47—62; «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 281—291; A. Ar n e t h. Joseph II und Katharina von Russland, S. 143—157.

³¹ «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 285.

Англия спасена Австрией и Россией и признательна им за это, находится к тому же и в зависимости от России в торговле. Положение действительно благоприятное для решительных действий на Востоке!

Что же касается бурбонских дворов (Франции и Испании), которые могут проявить враждебность, то в отношении этих держав имеется надежда на силу влияния императора на свою союзницу (Францию), на его «светлый ум». Императрица, впрочем, уверена, что Франция не посмеет выступить против соединенных сил России и Австрии. В противном случае, может быть, потребуется «еще более тесное сближение с Англией».

Более всего Екатерина опасалась Фридриха II, надеясь, однако, что «преклонные годы» короля удержат его от решительных действий. Он может отважиться на выступление только в случае «сильной поддержки» со стороны Англии или Франции. «Трудно, впрочем, предполагать, — говорилось в письме, — чтобы даже в случае окончания настоящей морской войны, столь разорительной для обеих держав, они захотели впутаться в новые издержки и в новые затруднения, притом ради столь отдаленных для них интересов».

Спрашивается, однако, когда же ближневосточные интересы стали для Франции и Англии «столь отдаленными»? Память изменила императрице: она «позабыла» о войнах России с турками, в которых эти державы принимали столь близкое участие!

Прежде чем перейти к вопросу о «вознаграждении», императрица осталась на обзоре печального положения Турции, как бы желая убедить императора в том, что противник так слаб, дела его в таком катастрофическом положении, стремление к отделению от Турции правителей некоторых провинций так велико, что Османская империя накануне полного падения. К тому же «чернь» столицы, диван и сераль объаты паническим страхом перед войной. Ясно, что при таком положении Турции война с ней не может угрожать большими неприятностями. Однако почти одновременно в рескрипте Потемкину Екатерина II утверждала обратное. «Политический состав Оттоманской монархии, — по ее мнению, — разными обстоятельствами... еще отдален от конечного его разрушения»³². Судя по переписке с Потемкиным, императрица представляла себе все трудности и осложнения, которые война могла бы вызвать в международных отношениях. По этой причине Екатерина решилась на присоединение Крыма после больших раздумий.

Итак, подготовив Иосифа II к мысли о легкости раздела Турции, императрица поставила затем, уже вполне серьезно, вопрос о создании независимого буферного государства под названием Дакия из Молдавии, Валахии и Бессарабии. Вопрос о создании такого государства был постоянным требованием восточной политики России.

Для России императрица предложила очень скромное вознаграждение: небольшую территорию Очакова и земли между Бугом и Днестром. Таким образом, граница Российской империи была намечена по Днестру. Кроме того, было выражено пожелание о приобретении одного или двух островов в Архипелаге. Здесь предполагалось создание базы русского флота в интересах обеспечения русской торговли на Средиземном море.

Что касается Австрии, то Екатерина предложила императору самому определить желательные для него приобретения. (Напомним, что постоянное желание русской дипломатии заключалось в том, чтобы, во избежание поводов для столкновений, не иметь общих границ ни с Турцией, ни с Австрией.) Императрица предполагала, что «приращения» Иосифа получатся гораздо более выгодными, чем ее «приращения», однако, по ее словам, высшим удовольствием для нее являлась «возможность способствовать» и «содействовать их осуществлению посредством... военных сил».

³² Рескрипт Потемкину 14 декабря 1782 г. Сб. РИО, т. 27, СПб., 1880, стр. 222—223.

Екатерина писала: «Моя личная приязнь к моему дражайшему союзнику не допустит меня ни на одну минуту поколебаться — принести ему эту жертву»³³.

Переходя к последнему предложению, императрица выражала твердую уверенность в том, «что в случае, если бы успехи наши в предстоящей войне дали нам возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя», император не откажет в содействии «для восстановления древней Греческой империи». Непременным требованием при этом императрица выдвигала «полную независимость» Греческого государства от ее собственной державы. Предлагая в правители нового государства своего трехлетнего внука Константина, Екатерина ставила поэтому условием отречение его «навсегда от всяких притязаний на русский престол».

В благодарность за помощь «при осуществлении сего великого замысла» императрица выражала готовность содействовать императору в приобретении некоторых пунктов в Средиземном море, важных для Австрии в торговом отношении³⁴.

Выполнение предположения об изгнании турок из Европы якобы не представляло затруднений. Путем переговоров России и Австрии с другими державами они смогут удержать последних от враждебных выступлений. Только не следует противиться, в награду за подобное воздержание, приобретению этими державами некоторых торговых пунктов за счет Турции, однако «без ущерба благосостоянию наших обоих государств». В случае же противодействия «нашим общим видам», Россия и Австрия выступят соединенными силами для взаимной обороны. «Какими бы великими и отдаленными ни могли казаться эти планы,— писала Екатерина,— но я думаю, что для наших двух государств, столь тесно связанных, мало существует невозможных вещей!»³⁵. Этой эффектной и лживой фразой тема о разделе была исчерпана.

Императрица с необыкновенной легкостью проходит мимо всех тех огромных затруднений, которые возникли бы для нее в случае реализации «проекта». Не обращая на них внимания, как будто речь шла об игре в войну, а не о настоящей войне, императрица проявляла особую щедрость в оказании военной поддержки Австрии: не только в приобретении Австрией «приращений» за счет Турции, но и в возможной войне ее с Италией. Между тем она вовсе обошла вопрос о содействии планам императора в Германии, что для него было самым важным. Наоборот, она выразила уверенность в отсутствии у Австрии видов, «не согласных с Тешенским миром»³⁶. Почему же императрица даже не намекнула на свое содействие? Да потому, что вопрос об усилении Австрии за счет Пруссии был реальной политикой, а не игрой. Усиления Австрии царская дипломатия действительно не желала.

По той же причине не упомянула императрица и о присоединении Крыма, план которого уже был разработан русским правительством. Ведь преждевременное раскрытие этого реального плана могло бы затормозить его выполнение.

Крайне лстивый тон письма, совершенно излишний в деловых документах, также заставляет предполагать, что практическое осуществление «проекта» не имелось в виду. Прямая цель письма — воздействие на психику и врага и «друга», т. е. султана Абдула Гаида I и Иосифа II, чтобы подготовить их к уступкам в вопросе гораздо меньшего охвата, чем изгнание турок из Европы. Письмо не могло остаться тайной для турок, как не остался тайной и австро-русский союз.

³³ «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 290—291.

³⁴ Там же, стр. 291.

³⁵ A. Arneht. Joseph II und Katharina von Russland, S. 157; «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 291.

³⁶ «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 287.

В отношении Австрии письмо могло сыграть роль приманки в том случае, если бы она действительно имела виды на приобретения за счет Турции. Такие виды были обнаружены Австрией в 1772 г. Об этом свидетельствует записка Кауница от 17 января 1772 г.³⁷ Устрашенный в то время победами России над турками, Кауниц изложил свой план раздела Турции. Этот план был отступлением от принципов прежней политики Кауница, направленной на сохранение «дружбы» с Турцией.

Чтобы иметь повод для собственного выступления в Крыму, русская дипломатия желала выступления Австрии против Турции. Императрица прямо указывала, что если бы император расширил свою границу за счет Молдавии или Валахии, «в таковом случае мы и должны искать средства к соблюдению с ним равенства»³⁸. Письмо императрицы могло побудить Австрию к подобному шагу. Задача присоединения Крыма была бы тогда облегчена. Подобные же желания выражал и Потемкин. Принимая меры на случай разрыва с турками после присоединения Крыма, он писал императрице: «А что касается до императора, не препятствуйте ему, пусть берет у турков, что хочет. Нам много его пособит и диверсии одна б его стороны, великая польза»³⁹. Польза заключалась бы в отвлечении внимания турок от Крыма.

Иосиф ответил на письмо только через два месяца⁴⁰, после напоминания императрицы⁴¹. Он не возражал против приобретения русскими Очакова, против основания Дакки и восстановления Греческой империи. Согласие сопровождалось, однако, оговоркой: «Никогда не возникнет затруднений для исполнения желаний вашего императорского величества, если оные будут совпадать и согласовываться с моими собственными интересами и удобствами»⁴².

В оценке международной обстановки того времени точки зрения Иосифа II и Екатерины II резко разошлись. По мнению Иосифа, прежде всего нужно будет обезопасить себя со стороны Пруссии, выставив против нее военные силы и оторвав ее от Саксонии. Францию нужно привлечь, обещая ей Египет, так как без ее участия не может быть успеха. Для Австрии император желал приобрести Хотин с округом, чтобы закрыть Галицию и Буковину, города Виддин, Орсову, Белград, чтобы прикрыть Венгрию, затем: территорию от Белграда по прямой кратчайшей линии к Адриатическому морю, Истрию и Далмацию венецианскую, чтобы открыть выход к морю. Взамен отнятой у Венеции территории Иосиф предложил дать ей Морею, Кипр, Крит и некоторые другие острова в Архипелаге. Эти замыслы были более реальными, чем «замыслы» Екатерины, о которых сообщалось императору. Имелись у него важные соображения и относительно Италии. Первейшим условием, однако, для осуще-

³⁷ A. В e e r. Die erste Theilung Polens, Bd. II, Wien, 1873, S. 129—134. А. Бер делает предположение, что проект Кауница был составлен в ответ на соответствующие намеки из Петербурга.

³⁸ Екатерина II — Г. А. Потемкину, 14 декабря 1782 г. Сб. РИО, т. 27, стр. 223 (подчеркнуто мной.— О. М.).

³⁹ Г. А. Потемкин — Екатерине II, 13 июня 1783 г. ЦГАДА, ф. Гос. арх., I р., д. А 26-е, л. 82 (подчеркнуто мной.— О. М.).

⁴⁰ Иосиф II — Екатерине II, 13 ноября 1782 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, лл. 63об.—68об.; A. Arneht. Joseph II und Katharina von Russland, S. 169—175; «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 296—300.

⁴¹ Екатерина II — Иосифу II, 18 октября 1782 г. «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 295.

⁴² В прошлом вопрос о Придунайских княжествах, например, всегда был камнем преткновения в русско-австрийских отношениях. Австрия добивалась присоединения этих княжеств к своим владениям и категорически возражала против русской политики в этом вопросе. Статьей IV австро-русской конвенции 25 июля 1772 г. о разделе Польши императрица согласилась при заключении мира с Портой «не требовать ни завоевания, ни независимости Валахии и Молдавии и потому не настаивать более на тех первоначальных ее (императрицы.— О. М.) условиях, которые прямым образом противоречили непосредственным интересам Австрийского дома» (Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. II, Трактаты с Австрией 1772—1808, СПб., 1875, стр. 28).

ствления всего этого он считал обеспечение себя со стороны Пруссии и Франции. Без реализации этого условия он, по его заверению, абсолютно не в состоянии служить императрице. Согласие, обусловленное столь серьезными новыми условиями, на самом деле означало отказ.

Гораздо большую готовность содействовать намерениям императрицы австрийский император вновь проявил в крымских делах, не предполагая, однако, и теперь, что эти намерения заключались в аннексии Крыма.

Австрийские дипломаты были раздражены письмом Екатерины. Посол Кобенцль упрекал русское правительство в том, что оно ставит Австрию под удар всех ее врагов, а пользу извлекает только для себя⁴³.

Вице-канцлер Филипп Кобенцль писал императору, что Кауниц «анализирует пункт за пунктом план императрицы, и заменяет его другим более солидным и более соответствующим нашим интересам»⁴⁴.

Переписка австрийских дипломатов по поводу письма Екатерины II с полной очевидностью свидетельствовала о том, что австрийская дипломатия стояла в оппозиции предложениям Екатерины II. Кауниц в это время был безоговорочно против раздела Турции. Он предупреждал посла Кобенцля, что «союз с императрицей под угрозой разрушения, и что он должен «всегда и везде» противодействовать тщеславным намерениям императрицы, о которых осведомлена вся Европа. Австрия никогда не принесет в жертву императрице свой союз с Францией, что, по мнению Кауница, было бы неизбежно в случае содействия честолюбивым планам императрицы»⁴⁵.

«Кауниц ужем и жабой хочет вывертеть систему политическую новую (т. е. австро-французский союз.— О. М.)... Стремясь теперь поссорить вас с королем прусским, и это их главный пункт», — предупреждал Потемкин императрицу⁴⁶.

Еще ранее, запиской 1776 г. Кауниц доказывал императору неприемлемость для Австрии раздела Турции, так как для Австрии выгодней иметь соседом слабую Турцию, чем все более усиливающуюся Россию. Кауниц особенно опасался развития связей России со славянами. Интересно, что он тогда же предсказывал Иосифу способ действий императрицы: она попытается приобрести его содействие через «морочение» (*Vorspiegelung*) призраком больших приобретений⁴⁷. Надеясь на взаимные услуги, обе дипломатии морочили друг друга.

Следует отметить, что отношение Иосифа к идее раздела Турции не было столь отрицательным, как его министра. Император колебался и пытался вызвать сочувствие Франции к предложениям Екатерины⁴⁸. В ответ на намеки Иосифа французская дипломатия поставила, однако, в известность австрийскую о том, что никакие выгоды не побудят Францию к содействию планам императрицы⁴⁹. Мало того, французское правительство потребовало от Австрии противодействия планам императрицы.

Не опасаясь более препятствий со стороны Австрии в решении крымского вопроса, русское правительство стало действовать решительно. 14 декабря 1782 г. Потемкину был дан секретнейший рескрипт о занятии Крыма при первом удобном случае. На письмо же Иосифа императрица

⁴³ Записка Людвиг Кобенцля, ноябрь 1782 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, лл. 69—85.

⁴⁴ Вице-канцлер Кобенцль — Иосифу II, 26 октября 1782 г. S. Brunner. Correspondances intimes de l'empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobenzl et son premier ministre le prince Kaunutz, Paris, 1871, p. 29—30.

⁴⁵ Цитируется в книге: J. C. Graf von Görtz. Historische und politische Denkwürdigkeiten. Aus dessen hinterlassenen Papieren entworfen, Th. I, Stuttgart und Tübingen, 1827, S. 203—205.

⁴⁶ Г. А. Потемкин — Екатерине II, 22 апреля 1783 г. ЦГАДА, ф. Гос. арх., I р. д. А 26-е, л. 61.

⁴⁷ «Archiv für oesterreichische Geschichte», Bd. 48, Wien, 1871, S. 84.

⁴⁸ Иосиф II — Мерси-Аржанто, 7 декабря 1782 г. «Correspondance secrète du comte Mercy-Argenteau, t. I, p. 139—142.

⁴⁹ Там же, стр. 149.

ответила почти через два месяца, 4 января 1783 г.⁵⁰. Это письмо еще более усилило недоверие и недовольство австрийской дипломатии. Екатерина с деланным простодушием возражала императору относительно короля прусского, что его можно удержать от нападения, заверив в безопасности прусских владений, поэтому вводить войска в Польшу, как хотел того Иосиф, не нужно. На кооперацию с бурбонскими дворами Россия не пойдет, но нейтралитет Франции необходимо обеспечить компенсацией. На приобретение Австрией венецианской Далмации императрица не согласна: Венеция может быть полезна в войне с Турцией. Письмо заканчивалось уверениями во всегдашней готовности императрицы содействовать планам Австрии.

Из письма Иосифа к Кауницу, при котором был препровожден его чрезвычайно резкий ответ на это письмо Екатерины II, видно, как возмущен был он поведением своего «друга». Он убедился в том, что у императрицы лишь одно желание: «сделать из него простофилю» (*faire une dupe*)⁵¹.

Резкий ответ императора под влиянием Кауница был смягчен⁵². Весьма лояльно сообщая императрице о проявленной Турцией уступчивости в результате общих шагов Австрии и России в Константинополе, император выразил уверенность в том, что вопрос о войне с Турцией отпал⁵³. Посол Кобенцль высказывался в таком же духе. Австрийская дипломатия рассчитывала сохранить *status quo* в Крыму. Иосиф писал в Париж, что стремился «спасти, как говорят, и козу и капусту» (*la chèvre et les choux*). В подтверждение правдивости своих уверений он тогда же переслал послу под величайшим секретом копии пяти писем — своих и императрицы⁵⁴.

Русская дипломатия с подобными желаниями союзника уже не считалась⁵⁵. Полной неожиданностью поэтому было для австрийской дипломатии новое письмо императрицы от 7 апреля 1783 г.⁵⁶, в котором она сообщала о том, что надежды на успех общих шагов оказались иллюзиями: Порта вновь нарушила договор и ей предъявлен ультиматум. Императрица решила установить между Россией и Турцией «иное положение». Она, однако, снова умолчала о том, что решилась на присоединение Крыма.

Одновременно Екатерина II писала, что «общее положение европейских дел в настоящее время менее, нежели год тому назад, благоприятствует осуществлению обширных видов, которые я в то время предлагала в. и. в-ву для блага наших обоих государств..., благоразумие заставляет ограничиться планом менее обширным, а потому и менее способным вызвать зависть и враждебные действия со стороны наших соседей».

Чтобы несколько оправдать свой отказ от обсуждения ею же поднятого вопроса, императрица допустила неточность: ведь не год, а всего полгода назад она предложила обменяться мнениями по вопросу об изгнании турок из Европы. В это время изменение «общего положения» уже предвиделось, так как негласные переговоры о мире начались в Париже летом того же года. Наступление мира явилось лишь удобным предлогом для отказа от «проекта», о реализации которого и не думали. Обмен мнениями по вопросу о разделе турецких территорий в Европе и восстановлении Греческой империи более никогда не возобновлялся. Дискуссия была

⁵⁰ «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 302—306.

⁵¹ Иосиф II — Кауницу, 2 февраля 1783 г. А. Arneth. Joseph II und Katharina von Russland, S. XXI.

⁵² Кауниц — Иосифу II, 24 февраля 1783 г. А. Arneth. Joseph II und Katharina von Russland, S. XXI.

⁵³ Иосиф II — Екатерине II, 25 февраля 1783 г. «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 306—308.

⁵⁴ Иосиф II — Мерси-Аржанто, 31 марта 1783 г. «Correspondance secrète» т. I, р. 174. Какие именно письма были пересланы, не обозначено.

⁵⁵ Г. А. Потемкин — А. А. Безбородко, 1783 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, л. 15; Екатерина II — Г. А. Потемкину, 14 апреля 1783 г. Сб. РИО, т. 27, стр. 250—251.

⁵⁶ Екатерина II — Иосифу II, 7 апреля 1783 г. «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 309—311.

прекращена письмом от 7 апреля, а манифестом 8 апреля был присоединен Крым.

Обезвреживание Австрии было главной целью сближения с ней, и эта цель была достигнута. «На императора не надейтесь много,— писал Потемкин Екатерине,— но продолжить дружеское с ним обхождение нужно. Впрочем, право, и нужды большой нет в его помощи, лишь бы не мешал»⁵⁷. «Я на него никак не надеюсь,— отвечала Екатерина,— а вредить не станет»⁵⁸.

Иосифу, дорожившему союзом с Россией, не оставалось ничего другого, как поздравить русскую императрицу с успехом и вновь подтвердить свое желанье «вразумить турок насчет нового положения дел» между Россией и Портой. Все же, по мнению Иосифа, новое положение «значительно отстоит как от постановлений Кайнарджийского мира, так и от проистекших из оного последующих договоров»⁵⁹.

Международная обстановка при разрешении крымского вопроса угрожала русскому правительству немалыми трудностями. Преодолению этих трудностей невольно помогли благодаря антагонизму своих интересов все европейские державы. Австро-прусское соперничество благоприятствовало разрешению крымского вопроса, так как Австрия стремилась получить с помощью России Баварию. Не без чувства благодарности Екатерина писала впоследствии об Иосифе, что он «не один раз на деле доказал доброхотство к интересам нашим, шествовав доселе по видам нашим»⁶⁰.

Другой немецкий союзник России — Пруссия надеялась при содействии России усилиться за счет Польши. В ответ на антирусские шаги французской дипломатии в Берлине Фридрих II остался, по выражению Екатерины, «спокойным зрителем»⁶¹. Это спокойствие было, однако, относительным. Слухи о завоевательных замыслах России нервировали всю Европу, так как планы разрешения крымского вопроса раздувались и превращались в «планы» русского господства над Европой.

Дипломатическая переписка за 70—80-е годы Фридриха II отображала эту общую нервозность. Еще задолго до письма Екатерины, в письмах к своему послу в Петербурге Гёрцу Фридрих упоминал о «projet de l'Empire Grec». Он то возмущался безудержной фантазией бывшей немецкой принцессы, то выражал желание выполнения ее «плана», то колебался в признании его реальности: «ce n'est pas par des medailles qu'on fait des conquêtes et qu'on crée des nouveaux empires», т. е.— не медалями совершаются завоевания и создаются новые империи,— писал он, очевидно, по поводу сообщения Гёрца о медали в честь новорожденного внука Екатерины Константина как будущего правителя Греческой империи. Фридрих указывал своему послу на отсутствие в России практических мероприятий по выполнению столь грандиозных замыслов, на скудость материальных средств для их выполнения, на несочувствие «плану» — никто из русских ему «не аплодирует»⁶². Вместе с тем он считал, что противоречия между Австрией и Россией настолько велики, что первые же попытки реализации их «проекта» рассорят союзников навсегда, и это было бы в интересах прусской политики. Подобные соображения относились, однако, к более или менее отдаленному будущему. В настоящий же момент прусский король предпринимал некоторые шаги к тому, чтобы русское прави-

⁵⁷ Г. А. Потемкин — Екатерине II, 22 апреля 1783 г. ЦГАДА, ф. Гос. арх., I р., д. А 26-е, л. 61 об.

⁵⁸ Екатерина II — Г. А. Потемкину, 4 мая 1783 г. Сб. РИО, т. 27, стр. 255.

⁵⁹ Иосиф II — Екатерине II, 19 мая 1783 г. «Русский архив», кн. 1, 1880, стр. 313.

⁶⁰ Екатерина II — Г. А. Потемкину, 10 января 1790 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 7, л. 7.

⁶¹ Там же, л. 1.

⁶² Фридрих II — Гёрцу, 27 октября 1781 г. «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen», Bd. 46, Berlin, 1939, S. 233; Фридрих II — Гёрцу, 6 октября 1781 г. (Там же, стр. 195).

тельство ограничило свои «планы» занятием татарских провинций⁶³. Он не протестовал против присоединения Крыма, так как рассчитывал с помощью России присоединить к своим владениям Данциг и Торн.

Сходную, но не идентичную позицию занимала в период разрешения крымского вопроса и английская дипломатия. Гаррис был того мнения, что император несомненно обманывает одного из своих союзников. Ведь если он действительно намерен исполнить обещания, данные императрице, то тем самым он раздражит Версальский двор, «и союз их рушится». Если же он угодливыми речами вводит в заблуждение императрицу, то «в таком случае дело должно окончиться полным разрывом между обоими императорскими дворами».

Англия должна поэтому «оставаться в стороне», не торопясь с установлением связей на континенте, выжидая прояснения политического горизонта и наступления того момента, когда она станет «предметом ухаживания». По мнению Гарриса, эта перемена должна наступить очень скоро⁶⁴.

Ведя войну в Америке и Европе и будучи одиноким на континенте, Англия, однако, не только выжидала: она стремилась к союзу с Россией.

Антирусское выступление Франции в Лондоне в связи со слухами о «планах» Екатерины не только не встретило сочувствия, но, наоборот, вызвало враждебный акт: о нем было сообщено в Петербург⁶⁵. Король писал новому главе кабинета Фоксу о том, что он «совершенно прав» (*very right*), ставя в известность Джемса Гарриса обо всех высказываниях французского посла по турецким делам в настоящем⁶⁶. Поддержание враждебности между Францией и Россией являлось постоянным правилом английской внешней политики. Оно было достаточно эффективно. «Французская нота,— писал Потемкин Безбородко,— доказательство их наглости... злодеи непримиримые благополучия России...»⁶⁷.

В то же время Англия, усилив беспокойство Франции с помощью слухов о «планах» России и Австрии, принудила ее к уступкам и к скорейшему заключению мира, который к тому же развязывал руки Франции для дальнейшего противодействия России на Востоке.

Несомненно, что с этой же целью ограничения восточных успехов России Англия предприняла и сама некоторые шаги в Константинополе. На созванной по просьбе посла Энсли конференции он уговаривал султанское правительство признать факт присоединения Крыма. Англия продолжала надеяться на более тесное сближение с Россией⁶⁸.

Франция, не встретив сочувствия ни в Берлине, ни в Лондоне⁶⁹, в конце концов предположила, что Россия «удовольствуется занятыми татарскими провинциями»⁷⁰. Вместе с австрийским интернунцием Гербертом французский посол граф Сен-При деятельно способствовал подписанию турками конвенции 8 января 1784 г. об уступке Крыма. Франция стремилась предупредить таким образом дальнейшие шаги России на

⁶³ Фридрих II — министру иностранных дел Финкенштейну, 30 ноября 1782 г. *Fr. Raumer. Europa vom Ende des Siebenjährigen bis zum Ende des Americanischen Krieges*, Bd. 3, Leipzig, 1839, S. 555—557.

⁶⁴ Гаррис — Монстюарту, 14 (25) октября 1782 г. «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 864—865.

⁶⁵ A. Gerhard. *England und der Aufstieg Russlands*, München und Berlin, 1933, S. 173.

⁶⁶ Георг III — премьер-министру Фоксу, 7 августа 1783 г. «The correspondence of King George The Third», vol. VI, p. 430.

⁶⁷ Г. А. Потемкин — А. А. Безбородко, 1783 г. ЦГАДА, Гос. арх., XI, р., д. 913, л. 50б.

⁶⁸ J. Holland Rose. *William Pitt and national revival*, London, 1911, p. 300.

⁶⁹ M. Flassan. *Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française*, t. VII, Paris, 1811, p. 376—399.

⁷⁰ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France», I—Autriche, Paris, 1884, p. 534.

Востоке, которые, как она предполагала, могли последовать в случае неуступчивости турок. Только позднее, с назначением в 1785 г. послом в Петербург графа Сегюра, Франция вполне убедилась, что «ни один из императорских дворов не имел намерения разрушить Оттоманскую Порту»⁷¹.

Что же касается Турции, то в момент присоединения Крыма она не только не протестовала против этого акта, но даже заключила с Россией 10 (21) июня 1783 г. торговый договор.

Итак, поднимая вопрос о разделе Турции и восстановлении Греческой империи, русское правительство на самом деле думало о реализации не этого грандиозного, а «менее распространенного плана» — присоединения Крыма, который тщательно скрывался, во избежание контрмер, могущих помешать его выполнению.

Присоединение Крыма к России было шагом на пути прочного обеспечения русских позиций на Черном море и свободы проливов. По своим последствиям присоединение Крыма имело безусловно положительное общенародное значение и для России, и для Кавказа, и для других народов, флаг которых был в конце концов допущен в Черное море.

После присоединения Крыма основная задача ближневосточной политики России заключалась в том, чтобы закрепить обладание Крымским полуостровом. В России надеялись на установление прочного мира. «Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской», — писал императрице главный виновник торжества Потемкин⁷².

Присоединение Крыма без войны с Турцией явилось безусловно большим успехом русской дипломатии. Шум, поднятый вокруг «греческого проекта», отвлек внимание дипломатов и прежде всего Австрии и Франции от мероприятий, направленных на присоединение Крыма. Это подтверждает ценное признание самого Иосифа II в письме к Мерси-Аржанто: «Занятие Крыма, Кубани и Тамани было для меня такой же неожиданностью, такой же новостью, как и для остальной Европы; ее величество императрица не извещала меня до тех пор, пока дело не совершилось»⁷³.

Австрия не теряла, однако, надежд на разрешение с помощью России более актуальных задач своей политики, чем изгнание турок из Европы⁷⁴. Идею раздела Турции она все еще надеялась использовать в интересах своей антипрусской политики. Подобные иллюзии основывались, по-видимому, на заверениях частного характера со стороны влиятельного секретаря императрицы А. А. Безбородко в том, что императрица крайне «привержена» своему проекту⁷⁵.

Весной 1784 г. австрийское правительство пригласило русское придти к соглашению об установлении более тесных связей. Возобновление прежней политической системы (т. е. союза 1746 г.) послужило бы, по мнению австрийской дипломатии, прелиминаром к окончательному выполнению «плана», который обсуждался в частной корреспонденции монархов. Иосиф тогда же обратился к Екатерине с просьбой оказать содействие в обмене австрийских Нидерландов на Баварию. Одновременно он намекал на содействие со своей стороны «плану» императри-

⁷¹ Инструктивная записка графа Сегюра своему заместителю Жане, 5 октября 1789 г. Г. Ф. Штендман. Отзыв об историческом исследовании проф. А. Трачевского «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II (1780—1790)», СПб., Академия Наук, б/г, стр. 61.

⁷² Г. А. Потемкин — Екатерине II, 5 августа 1783 г. ЦГАДА, ф. Гос. арх., I р. д. А 26-е, л. 64об.

⁷³ Иосиф II — Мерси-Аржанто, 31 июля 1783 г. «Correspondance secrète», t. I, p. 195.

⁷⁴ Мемориал Кауница, 12 мая 1783 г. A. Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs, S. 63—64.

⁷⁵ Там же, стр. 58—59.

цы в отношении Турции: самая большая выгода, которую он извлечет из обмена, это возможность «послужить... в. и. в-ву всеми моими силами»⁷⁶.

Смысл уклончивого ответа Екатерины на предложение Кобенцля был тот, что возбуждение вопроса, обсуждавшегося в частной корреспонденции монархов, нежелательно. Старые обязательства требуют согласования с изменившимся положением в Европе. Императрица желала бы знать мысли императора относительно этих изменений. Ответ был передан вице-канцлером Остерманом через посла в Вене Голицына⁷⁷. В письме же к Иосифу Екатерина выразила сильнейшее желание быть ему полезной: ее собственная держава заинтересована в усилении Австрии⁷⁸. Таким образом, австро-русские отношения продолжали оставаться на прежнем уровне внешней близости и внутренней отчужденности.

Для всестороннего освещения проблемы мы должны обратить внимание еще на ряд обстоятельств возникновения «проекта». Как решилась императрица на столь рискованное по своим последствиям выступление?

О средствах окончательного разрешения крымского вопроса русские государственные деятели стали думать уже со второй половины 70-х годов в связи с усилением реваншистской политики Турции после Кючук-Кайнарджийского мира.

Изучение документов позволяет установить, что инициатива в составлении «проекта» и его авторство принадлежали личному секретарю Екатерины — А. А. Безбородко, на которого были возложены дела по сношению с Востоком. Впервые мысль о «проекте» появилась, по-видимому, еще весной 1780 г. в Могилеве, во время свидания Иосифа и Екатерины. Безбородко сопровождал императрицу и имел частые беседы с графом Фалькенштейном (Иосифом II). В сентябре того же года он представил императрице «Мемориал по делам политическим»⁷⁹, проектировавший условия союзного договора с Австрией. Мемориал предвидел возможность расчленения Турции. Далее, по мере усиления вероятности войны с Турцией из-за Крыма возникла идея личного обмена мнениями между Иосифом и Екатериной об условиях общих действий против Турции. «Нужно, однако же, ведать, тех ли мыслей будет император... Никто лучше не может изъясниться, как сами государи между собой», — писал Безбородко в 1781 г. близкому ему Р. И. Воронцову⁸⁰.

Непосредственным поводом для составления знаменитого письма послужил запрос посла Кобенцля о событиях в Крыму весной 1782 г. Обеспокоенный запросом, Безбородко, чтобы избежать войны — «casus foederis» с Венским двором, посоветовал императрице заранее «государям непосредственно войти между собой в соглашение о приобретениях». По словам Безбородко, «государыня весьма хорошо» приняла его представление и «велела не упускать из вида, когда дело дойдет... Я решился, когда получены будут новые рапорты и уже нужно будет делать войсками движения, представить ее в-ву на письме о нашем с Венским двором положении»⁸¹.

Это признание очень ценно. Оно означает, что до 1782 г. никакого проекта завоевания Константинополя не существовало, хотя слухи о

⁷⁶ Иосиф II — Екатерине II, 13 мая 1784 г. «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 317.

⁷⁷ И. А. Остерман — Дм. М. Голицыну 15 мая 1784 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, лл. 99об.—104об.

⁷⁸ Екатерина II — Иосифу II, 23 мая 1784 г. «Русский архив», кн. I, 1880, стр. 319—320.

⁷⁹ Сб. РИО, т. 26, СПб., 1879, стр. 385.

⁸⁰ «Архив князя Воронцова», кн. XIII, М., 1879, стр. 25.

⁸¹ А. А. Безбородко — Р. И. Воронцову, июнь 1782 г. «Архив князя Воронцова», кн. XIII, стр. 27—28 (письмо ошибочно датировано редакцией маем месяцем).

широчайших завоевательных замыслах России распространялись уже давно.

Проект письма Екатерины к Иосифу 10 (21) сентября был написан рукой Безбородко и сохранился в архивных делах⁸². Ссылки на этот документ имеются и в литературе⁸³. Своим стилем оно отличается от оригинала на французском языке, отправленного к Иосифу. Оно проще по слогу, в нем меньше лести и почтительности к особе императора. Оно не носит такого провокационного характера: в нем, например, нет обещания содействовать императору военными силами в «приращениях» за счет Турции. В нем отсутствует описание критического положения Турции. Характеристика англо-русских отношений более реалистична. Так, например, здесь не употреблено выражение о «бездне», в которую ввергла себя Англия, нет фразы и о «зависимости» Англии от России, об «отдаленности» для Англии восточных интересов. Основательная редакция, по-видимому самой императрицы, придала ее письму более авантюрный характер. При составлении проекта письма Безбородко, вероятно, получал руководящие указания свыше⁸⁴, но он не был лишь простым редактором идей императрицы. Аналогичные мысли выражались им, как мы видели, еще до составления проекта письма.

Для выступления Безбородко с предположениями о будущей судьбе европейской Турции имели несомненное значение настроения в дипломатических кругах Петербурга и особенно «сочувствие» английского посла Гарриса «восточным планам» императрицы. «Нам нечего больше ожидать от этого двора при обыкновенном ходе переговоров...— писал Гаррис в Лондон еще весной 1779 г.— Теперь преобладающей мыслью, затмевающей все остальные, является основание новой империи на востоке, в Афинах или Константинополе..., если его величеству встретится необходимость в помощи отсюда, единственное средство (подчеркнуто мной.— О. М.) достигнуть этой цели состоит в поддержании этой романтической идеи. Теперь они так ей преданы, что подобный образ действий, искусно веденный, упрочит за нами значение при этом дворе. А так как этот план, как бы ни был он серьезно обдуман, тотчас же окажется неприменимым к делу, то нам нечего опасаться зайти слишком далеко в деле для нас неприятном»⁸⁵.

Нельзя не отметить, что такого же мнения о пути к достижению влияния при русском дворе был и прусский посол Гёрц. Он считал, что «г-н Харрисон сумел им (этим путем.— О. М.) воспользоваться и тем заслужил доверие»⁸⁶. Как известно, позиции прусского дипломата при русском дворе не были столь выгодными.

По мнению французских дипломатов, Англия не только сочувствовала восточным «планам» императрицы, но и побуждала к их выполнению⁸⁷. В изображении английского посла русские планы действительно простирались на завоевание Константинополя, на то, чтобы «вынести границы Российской империи за Дунай»⁸⁸. Информации Гарриса в Лондон превращали мероприятия, направленные на разрешение крымского вопроса, в мероприятия по завоеванию европейской Турции.

Джемс Гаррис установил самые широкие связи во всех кругах пе-

⁸² ЦГАДА, ф. Гос. арх., XV р., д. 244, 1782 г., на 8 листах.

⁸³ А. М. Ловягин. Исторические и библиологические очерки, вып. 1, СПб, 1917, стр. 128—134, «Греческий проект».

⁸⁴ «Русская старина», т. 76, 1892, № 10, стр. 1—4, черновые отрывочные записи Екатерины II, опубликованные Н. К. Шильдером,— неясно, однако, чьей рукой сделанные.

⁸⁵ Гаррис — статс-секретарю Уеймоуту, 24 мая (4 июня) 1779 г. «Русский архив», № 7, 1874, стлб. 155—156.

⁸⁶ «Из записок о России графа фон-Гёрца, прусского посланника при дворе Екатерины». «Вестник Общества ревнителей истории», вып. 1, Пг., 1914, стр. 13.

⁸⁷ «Recueil des instructions», I-Autriche, p. 528.

⁸⁸ Гаррис — Грентаму. 9 декабря 1782 г. «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 877.

тербургского общества, и, по его собственному признанию, возможно, несколько хвастливому, от него не было тайн. Первоначально, интригуя против Панина, он надеялся проводить свою политику через Потемкина, который стал его «другом» и вызывал у него восхищение своими талантами. Однако в дальнейшем отсутствие успехов в переговорах с русскими дипломатами побуждало к мыслям о неискренности Потемкина и Екатерины. «Я чувствую,— писал Гаррис,— как даже для самого беспристрастного ума будет невозможно не обвинить меня в том, что я был жестоко обманут одним из них, или ими обоими»⁸⁹.

Отношения между Гаррисом и Безбородко, которого он назвал человеком без предрассудков, носили деловой характер. Имя Безбородко постоянно мелькает в переписке Гарриса. Во время размолвки с Екатериной и Потемкиным из-за декларации о морском вооруженном нейтралитете Гаррис писал о Безбородко, как о единственном человеке, от которого он «мог надеяться получить некоторую выгоду». В том же письме он указывал, что переговоры об австро-русском союзе окружены чрезвычайной таинственностью. Он узнал о них «от доверенного секретаря». Таким образом, несмотря на «самую глубокую тайну» переписки Екатерины с Иосифом, содержание ее сразу же стало известно английскому послу. «План» Екатерины, изложенный в письме 10 сентября, был известен Гаррису раньше отправления письма. Это видно из письма его в Лондон от 16 августа⁹⁰. Близость Гарриса к Безбородко заставляет предполагать, что личный и влиятельный секретарь императрицы, выступая со своим «проектом», пользовался «сочувствием» английского посла⁹¹.

Гаррис уехал из России с чувством разочарования и недовольства: его миссия в России не могла считаться выполненной. Ни «политическая спекуляция» — австро-русский союз, ни сочувствие «романтическим идеям» императрицы, т. е. «плану» изгнания турок из Европы, ни усиленное «каждение» (лесть) и подкупы, ни «деловые отношения» с Безбородко не способствовали самому главному — подчинению русской политики интересам Англии под видом общности интересов и дружбы.

Использование русской императрицей в своих дипломатических целях идеи освобождения Греции находит некоторое объяснение в том, что эта идея соответствовала настроениям эпохи. «Последние десятилетия XVIII столетия были периодом второго Ренессанса», новым открытием Эллады⁹².

В век так называемого просвещенного абсолютизма не только государственные деятели, но и широкая общественность и деятели культуры охотно высказывались на тему, затронутую письмом русской императрицы⁹³. Вольтер и французские энциклопедисты уже давно требовали изгнания варваров из Европы. В переписке с Екатериной Вольтер не раз выражал желание видеть ее коронованной в Константинополе. Он

⁸⁹ Гаррис — статс-секретарю Стормунту, 21 октября (1 ноября) 1781 г. «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 802—803.

⁹⁰ Гаррис — статс-секретарю Грентаму, 16 (27) августа 1782 г. «Русский архив», № 11, 1874, стлб. 858—859.

⁹¹ В отличие от Гарриса, сочувствие Безбородко «планам» Екатерины было искренним. Стяжание или «примысливание», по его собственному выражению, «барыша короне», а следовательно, и себе, любым путем стояло на первом плане его деятельности и значительно отличало его от таких деятелей, как Панин, Потемкин, Румянцев, и др. Эта черта деятельности Безбородко отмечалась его современниками, в том числе и самой императрицей. (Екатерина II — Г. А. Потемкину, 20 июля 1783 г. Сб. РИО, т. 27, стр. 270—271).

⁹² M. L. Clarke. Greek studies in England 1700—1830, Cambridge, 1945, p. 175.

⁹³ L. Pingaud. Choiseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI, Paris, 1887, p. 19—26; D. Mohrenschildt. Russia in the intellectual life of eighteenth century France, New-York, 1936. Напомним об исключительном успехе произведения французского ориенталиста Бартеlemi (конца 80-х годов) «Путешествие юного Анахарсиса по Греции». Автор вел увлекательные беседы о прекрасном прошлом Эллады от имени молодого, жаждущего знаний скифа Анахарсиса.

предполагал, в данном случае ошибочно, что завоевание этого города было целью русской политики со времен Петра. Екатерина отвечала Вольтеру уклончиво, в тоне легкой шутки. Так, например, по поводу мирных переговоров с Турцией она писала: «Ваш проект мира мне несколько напоминает дележ Льва в басне; вы все хотите захватить для Вашей любимицы»⁹⁴.

Екатерина и Потемкин постоянно выступали эллинофилами. Потемкин начал построение на Днепре по образцу Афин города Екатеринослава. Предполагалось не только украсить город зданиями в классическом стиле, но и сделать его центром наук и искусств. При дворе Екатерины господствовала мода на все греческое: имена, язык, костюмы, спектакли, тематику дискуссий.

Петербургский культ Эллады служил, однако, и интересам текущей политики.

Сообщая весной 1779 г. Гримму о рождении внука и данном ему имени, Екатерина, как бы делая вызов султану и желая его утешить и заранее подготовить к уступкам (ведь ее корреспонденция с Западом была корреспонденцией для всеобщего сведения), писала: «Меня спросили, кто будет крестным отцом? Я сказала: не знаю лучшего, как только мой друг Абдул Гамид, который мог бы им быть. Но так как никакой христианин не может быть крещен турком, то окажем ему честь хоть тем, что назовем новорожденного Константином. И все воскликнули: Константин»⁹⁵. В честь Константина была выбита медаль с изображением знаменитого константинопольского храма Софии, превращенного турками в мечеть, кормилицей Константина была гречанка, он обучался греческому языку, его сестру называли Еленой и т. д. Поэты и художники восхваляли эллинофильство императрицы и высокое призвание ее внука Константина. «Се Константин восстал! ликуйте, мудры греки: возобновятся вам прошедши сладки веки, Афины мощной воздвигнет он рукой...»⁹⁶. Другой поэт приветствовал рождение Константина словами: «Гроза и ужас чалмоносцев, великий Константин рожден...»⁹⁷ и т. д.

На одной из картин английского художника, находившейся в царском дворце, аллегорически изображались последствия присоединения Крыма к России: Греция у ног императрицы умоляет об освобождении и покровительстве, корабли на Черном море держат курс на Константинополь и т. д.⁹⁸. Другой английский художник, знаменитый Рейнольдс, написал по заказу Екатерины Геркулеса, несомненно олицетворявшего Россию. Своими огромными размерами картина привлекла на лондонской выставке (1788 г.) всеобщее внимание⁹⁹.

Все эти медали, имена, моды и прочее служили материалом для оживленных комментариев западноевропейской печати. Екатерина удивлялась «праздной болтовне», которую сама же вызывала, уверяла Грима, что «рифмачи» прожужжали ей уши всяким вздором, и она велела им оставить ее в покое, «так как я, слава богу, держу мир свой в руках... я не хочу слышать, чтобы щебетали о вещах, в которых нет смысла»¹⁰⁰. Однако сама императрица продолжала «щебетать», особенно

⁹⁴ Екатерина II — Вольтеру, 9 (20) августа 1770 г. «Вольтер и Екатерина II», СПб., 1882, стр. 74.

⁹⁵ Екатерина II — Ф. М. Гримму, 7 мая 1779 г. Сб. РИО, т. 23, стр. 136 (Перевод мой. — О. М.).

⁹⁶ Стихотворение Ф. С. Голицына. «Академические известия на 1779 год», ч. II июнь, стр. 187.

⁹⁷ В. П. Петров. Соч., ч. I, СПб., 1811, стр. 184.

⁹⁸ M. de Chénier, *Révolutions de l'Empire Ottoman, et observations sur ses progrès, ses revers, et sur l'état présent de cet empire*, Paris, 1789, p. 240.

⁹⁹ G. Elliot, first earl of Minto. *Life and letters*, t. I, London, 1874, p. 187.

¹⁰⁰ Екатерина II — Ф. М. Гримму, 5 июля 1779 г. Сб. РИО, т. 23, стр. 147—148.

перед и во время новой войны с турками (1787—1791 гг.). Во второй половине 80-х годов, например, она была занята постановкой в Эрмитаже написанной ею исторической пьесы «Олег»¹⁰¹. Известный итальянский композитор Сарти, находившийся при ставке Потемкина, написал для «Олега» музыку. Последний акт этой пьесы, сыгранной в 1790 г., заканчивался сценой торжественной встречи Олега на константинопольском ипподроме и прикрепления там щита Рюрика. Иностранные корреспонденты Екатерины были оповещены ею об этой постановке¹⁰². Не рассчитывала ли императрица такими средствами достичь скорейшего заключения мира с турками? (Ободряемые своими западными «друзьями», турки всячески оттягивали мирные переговоры.)

Рекламное эллинистическое Елизаветинство Екатерины в период осложнения крымского вопроса помогло его безболезненному для России разрешению. О планах, которые действительно предполагали реализовать, не «щебетали», наоборот, их тщательно скрывали. Наряду с планом присоединения Крыма скрывался план войны с Пруссией после окончания войны с Турцией, а также и «большой план» новой конфедерации в Польше (1788 г.) и т. д.¹⁰³.

Тщеславие было отличительной чертой Екатерины II. Ее обширная переписка с европейскими знаменитостями свидетельствует о том, что она стремилась играть первую роль не только в политической, но и в интеллектуальной жизни Европы и с этой целью сама себя рекламировала. Но тщеславные замыслы этой весьма трезвой натуры не переходили за границы достижимого. Екатерина весьма убедительно доказывала одному из своих корреспондентов в Германии, что уничтожение такого огромного государства, как Османская империя, в судьбе которого «принимают участие столько кабинетов Европы», не может быть предприятием столь простым, как то кажется тем, кто приписывает России подобные планы и «безрассудные затеи», оплачивая газетчиков, распространяющих слухи¹⁰⁴.

Реальная внешняя политика России 60—80-х годов XVIII в. определялась не модой, не придворной болтовней и не чувствами, воодушевлявшими поэтов, но трезвым расчетом, реальным соотношением сил ведущих держав, их противоречий, классовыми интересами господствующих верхов и внутренним состоянием страны.

То же наблюдалось и на Западе. Французское общество, увлекаясь прошлым Эллады, горячо сочувствовало изгнанию из Европы поработителей Эллады. Но в то же время французское правительство официально являлось другом Турции и проводило политику, направленную на ее сохранение.

Как австро-русский союз, так и «греческий проект» имели своей целью, с одной стороны, обезвреживание Австрии в крымском вопросе и устрашение турок, с другой — цель заключалась в том, чтобы побудить

¹⁰¹ См. А. В. Храповицкий. Дневник (записи за июнь — сентябрь 1789 и август — октябрь 1790 г.), М., 1901.

¹⁰² См. там же. О «Дневнике» А. В. Храповицкого — секретаря императрицы по литературным и театральным делам, как историческом источнике, необходимо сказать несколько слов. В литературе уже указывалось, что некоторые записи «Дневника» состоят из позднейших приписок. Эти приписки не отмечены в тексте никакими знаками и не выделены. Не выделены высказывания и самого Храповицкого, которые сливаются с высказываниями императрицы. Помимо того, автор, по-видимому, не всегда хорошо разбирался в вопросах большой политики, так как в записях обнаруживается иногда путаница. Записки издавались несколько раз в разных редакциях. Оригинал записок неизвестен. Оригинал двух последних изданий является копией, сделанной рукой самого автора. Все это приводит к выводу, что записки А. В. Храповицкого ждут критического издания.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Гос. арх., I р., д. А 26-е, л. 22.

¹⁰⁴ Екатерина II — доктору Циммерману, 1 февраля 1788 г. и 26 января 1791 г. «Философская и политическая переписка имп. Екатерины II с доктором Циммерманом с 1785 по 1792 год», (перевод с франц.). СПб., 1803, стр. 120, 169.

русское правительство к активному содействию планам усиления Австрии за счет Пруссии. Таким образом, «греческому проекту» в том и другом случае предназначалась служебная роль для достижения целей, не связанных с «проектом». Он потерял свое значение с окончанием дипломатической игры, ради которой был пущен в оборот.

Однако с усложнением международной обстановки во второй половине 80-х годов «романтическая идея» усилиями враждебных России держав превратилась в «реальный проект» изгнания турок из Европы. «Проект» вновь был пущен в оборот, но не русскими дипломатами.

* * *

Большой шум, поднятый в печати второй половины 80-х — начала 90-х годов вокруг «русских планов» уничтожения Османской империи, свидетельствовал о том, что с помощью печати в то время велась враждебная России кампания. Путешествие императрицы в Крым весной 1787 г. явилось удобным поводом для раздувания слухов о враждебных замыслах России против Турции. Слухи о путешествии начали распространяться задолго до поездки. По поводу поездки происходили специальные беседы английского посла в Константинополе Энсли с членами Дивана, газетные сообщения о путешествии переводились на турецкий язык. Почва для распространения волнующих слухов по Европе была отчасти подготовлена тем, что интерес к проблемам Ближнего Востока был возбужден опубликованной в 1785 г. перепиской Вольтера с Екатериной¹⁰⁵. Русская императрица предстала перед общественным мнением Европы в роли освободительницы Европы от турок и создательницы Греческой империи.

Поездка Екатерины в Крым была вызвана желанием лично удостовериться в правильности критических суждений о Крыме и о деятельности Потемкина со стороны противников присоединения, которых было немало¹⁰⁶. Несомненно и то, что, устраивая в Крыму свидание с Иосифом и смотр севастопольскому флоту, Екатерина хотела устроить турок, а также убедиться в боевой готовности собственных военных сил. Каковы бы ни были мотивы, побудившие совершить столь далекое и столь дорого стоившее государству путешествие, ясно только одно, что оно сослужило плохую службу русской дипломатии: оно благоприятствовало раздуванию слухов об агрессивных замыслах России.

С конца 80-х годов тема о русском завоевании Константинополя стала чрезвычайно модной и широко обсуждалась печатью на всех языках¹⁰⁷.

¹⁰⁵ «Recueil des lettres M. de Voltaire et de l'impératrice de Russie», Kehl, 1785.

¹⁰⁶ О чем свидетельствуют письма императрицы московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину (М., 1808); письма петербургскому главнокомандующему Я. А. Брюсу (СПб., б/г); манифест по возвращении из поездки («Московские ведомости», № 57. 17 июля 1787 г., стр. 522—525); А. В. Храповицкий. Дневник, стр. 21.

¹⁰⁷ См. прежде всего M. de Volney. *Considérations sur la guerre actuelle des turcs* (Londres, 1788), в которой проявлено положительное отношение к такому завоеванию. По-видимому, именно эта книга способствовала распространению легенды о знаменательной надписи на греческом языке на одной из арок при въезде в Херсон на пути следования императрицы, именно: «Здесь дорога, которая ведет в Византию». Из какого источника почерпнул автор эту надпись, неизвестно. Ни в «Журнале путешествий», который вел А. В. Храповицкий, ни в его «Дневнике» об этой надписи не упоминается, хотя другие надписи регистрируются. О ней не упоминает и французский посол Сегюр, сопровождавший императрицу и подробно описавший путешествие в своих мемуарах. Надпись получила самое широкое распространение в историографии XIX и даже XX в. См. также: M. de Peyssonnel. *Examen du livre intitulé «Considérations sur la guerre actuelle des turcs»*, Amsterdam, 1788; M. de Peyssonnel. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, t. 1—2, Paris, 1787; «Ueber den gegenwärtigen Türkenkrieg. Aus dem Französischen des Herrn Volney. Angehängt sind eine interessante Schrift des französischen Gesandten bei der Pforte und ein Auszug aus Peyssonnel's Prüfung der Voneyschen Behauptungen», Leipzig, 1788; M. de Chénier. Re-

Английская печать пугала «духом завоеваний», которым якобы охвачена Россия, протягивавшая руку не только к Константинополю, но также к Египту и Индии¹⁰⁸. Не останавливались перед прямой клеветой на русский народ, характеризуя его в самых отрицательных чертах¹⁰⁹.

Чтобы понять, какие причины обусловили это раздувание агрессивности восточной политики России, следует снова обратиться к международной обстановке, теперь уже конца 80-х годов.

Убедившись в невозможности направить русскую политику соответственно своим видам, Англия во второй половине 80-х годов проявила открытую вражду к России. Питт Младший, выразитель агрессивных устремлений английской буржуазии, в своих парламентских выступлениях стал открыто клеветнически заявлять о захватнических планах России в отношении Константинополя, о видах ее на Египет, об угрозе Индии¹¹⁰.

«Последняя война России с Портой ясно показала, как мало остальная Европа знала силы и ресурсы этого государства»,— писал в 1777 г. исследователь внешней торговли Англии Уайтворт, встревоженный политическим и экономическим ростом России в XVIII в.¹¹¹. Промышленный переворот побуждал Англию в последних двух десятилетиях XVIII в. уделять большее внимание и рынкам Ближнего Востока. Если экспорт хлопчатобумажных тканей из Англии в 1780 г. выражался суммой 355 000 ф. ст., то в 1790 г. он достигал уже суммы в 1 662 369 ф. ст.¹¹².

В результате успехов промышленности и насильственных методов борьбы на торговых путях Англия к концу 80-х годов все более и более овладевала рынком Леванта и разрушала процветавшую здесь торговлю Франции¹¹³. Англо-французское соперничество определяло расстановку сил в Европе. Вызванное обострением этого соперничества стремление Франции к сближению с Россией побудило Англию к прямой и открытой угрозе по адресу России, чтобы не допустить переговоров о союзе между ними¹¹⁴.

В то же время, несмотря на заключение в январе 1787 г. торгового договора Франции с Россией и переговоры о заключении союза, отношения между этими странами по-прежнему были далеки от искренности и доверия. Об этом свидетельствуют многочисленные факты документальной дипломатической переписки и мемуарной литературы. Не доверяя Франции, в России шли на заключение союза с ней в противовес сближению Англии с Пруссией и в ожидании войны с ними¹¹⁵.

volutions de l'Empire Ottoman, et observations sur eses progrès, sur ses revers, et sur l'état présent de cet empire, Paris, 1789; «Du péril de la balance politique de l'Europe ou exposé des causes qui l'on altérées dans le Nord depuis l'avènement de Catherine II au thrôn de Russie, Stocholm, 1790; «Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Aus dem Englischen übersetzt», Koblenz, 1799; «Correspondance politique et anecdotique sur les affaires de l'Europe particulièrement sur cells de l'Allemagne, depuis 1780 jusqu'a présent», vol. I—V, 1789; Captain Sutherland. A tour up the straits, from Gibraltar to Constantinople, London, 1790.

¹⁰⁸ «A inquiry into the justice and expediency of prescribing bounds to the Russian Empire», London, 1791.

¹⁰⁹ A. Gleason. The genesis of Russophobia in Great Britain, Cambridge, 1950, p. 11.

¹¹⁰ G. B. Hert z. British imperialism in the eighteenth century, London, 1908, p. 150—209, Ch. V—The Russian menace. A crisis of 1791.

¹¹¹ Ch. Whitworth. Commerce de la Grande Bretagne et tableaux des ses importations et exportations progressives depuis l'année 1697..., trad. de l'anglois, Paris, 1777, p. XXXIII.

¹¹² J. Holland Rose. William Pitt and national revival, London, 1911, p. 30.

¹¹³ P. Masson. Histoire du commerce français dans le Levant aux XVIII siècle, Paris, 1911, p. 490—491.

¹¹⁴ «Архив Государственного Совета», т. I, ч. I, СПб., 1869, стлб. 516—517.

¹¹⁵ Там же, стлб. 611.

Английский посол Энсли убеждал Порту действовать решительно. Французский посол Шуазель-Гуффье прилагал, наоборот, всяческие усилия к успокоению Порты. Заключая торговый договор с Россией, Франция была особенно заинтересована в сохранении мира на Востоке. Порта потребовала от России отказа от протектората над Восточной Грузией (Картли-Кахетинское царство). Теперь, во второй половине 80-х годов, она стала ссылаться на свои мнимые права на это владение и готовиться к войне. Турция простирала свои виды на все Закавказье, пользуясь ослаблением Ирана вследствие феодальных войн. Она стремилась сохранить свое господство и на Черном море, отказываясь от соблюдения условий Кючук-Кайнарджийского договора¹¹⁶.

В этих трудных условиях, ведя спровоцированные Англией войны с Турцией и Швецией, русская дипломатия готова была нарушить принцип воздержания от союзов, которого она придерживалась в эти годы. Теперь «на сей только случай» готовы были пойти на союз с Польшей, с Пруссией, с Англией. Готовы были всех «ласкать». Но сделать Пিতта Младшего «орудием для пользы России» не удалось. Питт стремился к войне, а не к миру.

Однако несмотря на ряд крупных дипломатических успехов (прежде всего заключение тройственного союза (1788 г.) между Англией, Пруссией и Голландией якобы для защиты голландской конституции, а на самом деле для борьбы против России и Франции), продиктовать свою волю России Англия все же не смогла. Попытка английского правительства объявить войну России и принудить ее к заключению мира на условиях *status quo* встретила противодействие со стороны самой английской буржуазии. Крым остался за Россией. Ясский мир, закончивший спровоцированную Англией русско-турецкую войну 1787—1791 гг., явился новым шагом на пути укрепления черноморских позиций России, хотя и не таким широким, каким предполагался, «без помех от других». Черное море становилось все более русским, но выходы из него по-прежнему сторожила Англия, «друг» Турции. Раздувание легенды о так называемом греческом проекте помогло укреплению этой «дружбы» и поддерживало враждебность Турции в отношении России.

Что же касается австро-русских отношений, то многочисленные документы дипломатической и частной переписки говорят об отсутствии доверия между Австрией и Россией. Мемориал Кауница, переданный Иосифом Екатерине перед отъездом из Крыма, выявлял прежнюю позицию Австрии в восточном вопросе. Восточная политика Австрии подчинялась интересам борьбы ее в Пруссии¹¹⁷. Выполнение, хотя бы даже частичное, «великих общих предприятий» зависит от приведения Пруссии в ее «первобытные пределы»¹¹⁸. Эти устремления австрийской дипломатии «сравнить» Россию с Пруссией¹¹⁹ противоречили интересам русской политики, так как в это время Россия, наоборот, уже стремилась привлечь Пруссию на свою сторону, чтобы расстроить антирусские планы прусско-английской дипломатии в отношении Польши.

С особой наглядностью австро-русские противоречия продолжали проявляться в вопросе о независимости Молдавии и Валахии. В рескрипте Потемкину от 26 октября 1787 г.¹²⁰ Екатерина II указывала на свое несогласие с императором относительно якобы «неудобства» занятия русскими войсками Молдавии и Валахии. Наоборот, она видит в этом ряд «удобств», главное из которых заключалось бы в предупре-

¹¹⁶ «Мнение вице-канцлера Остермана и гофмаршала Безбородко», 1788 г., «Архив Государственного Совета», т. I, ч. I, стлб. 645—646.

¹¹⁷ А. Веер. *Die orientalische Politik Oesterreichs*, S. 83.

¹¹⁸ Кауниц — Л. Кобенцлю, 16 октября 1789 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 6, л. 80.

¹¹⁹ Г. А. Потемкин — А. А. Безбородко, 1790 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 37, л. 162—163.

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 2, л. 111об — 115об.

ждении занятия этой территории австрийцами. «Если бы я не крепко карячился во многих случаях, не уважая, что и сердятся, не огрызался и не слаживал дела, то система наша с Венским двором в ничто бы обратилась», — писал Безбородко С. Р. Воронцову в 1788 г.¹²¹

Сближение с Россией не принесло Австрии тех выгод, которых она ожидала. Австрия не только не усилилась за счет Пруссии или Турции, но, наоборот, ее позиции теперь стали слабее, так как она потерпела поражение как в Баварии, так и в Нидерландах и на турецком фронте. Восточная политика Кауница закончилась крахом и австрийская дипломатия стала менять свои позиции. Новый император Леопольд II (Иосиф II умер весной 1790 г.) выражал новые взгляды на политику в отношении Пруссии. В России это предчувствовали. А. А. Безбородко писал С. Р. Воронцову о Леопольде: «Уверен, что впредь он не так охотно и слепо на затеи наши поддаваться станет, как покойник, которого можно было считать за нашего наместника и генерала»¹²².

Осуществление предположений о разделе Османской империи было обусловлено австро-русской дружбой. Но если этой дружбы не было, то что же говорить о реальности проекта, которым запугивали Европу?

Международная обстановка во второй половине 80-х годов, таким образом, по сравнению с началом десятилетия, еще менее благоприятствовала выдвижению «планов» раздела Османской империи.

Есть еще ряд побочных соображений, которые заставляют отвергать так называемый греческий проект как реальную программу восточной политики России 80-х годов.

Первое. Наличие славянского вопроса. Славянский вопрос, вызванный к жизни общностью интересов всех славянских народов в борьбе с Турцией, и так называемый греческий проект Екатерины II противоречили друг другу. В самом деле, вопрос об улучшении судьбы славянских народов, занимавший всегда такое большое место в восточной политике России, в «греческом проекте» не только не нашел отображения, но, наоборот, решен был отрицательно, так как славяне попадали под власть Австрии. Таким образом, в этом вопросе Екатерина II не только не являлась бы продолжательницей политики Петра I, каковой она всегда себя считала, но, наоборот, резко порывала со славянской политикой Петра I, противоречила самой себе.

Нельзя, конечно, отрицать того, что славянское освободительное движение рассматривалось правительством царской России прежде всего как средство достижения собственных внешнеполитических целей. Но нельзя отвергать и того факта, что Россия всегда справедливо пользовалась среди греков и южных славян авторитетом как защитница их интересов. Поэтому Россия на практике всегда крайне ревниво относилась к вопросу об усилении Австрии за счет славянских земель.

Второе. О том, что «греческий проект» не был практической, реальной программой русской восточной политики 80-х годов, свидетельствуют также как протоколы заседаний Совета императрицы, так и многочисленные высказывания руководителей внешней политики России. Можно утверждать совершенно определенно, что ни к мемориалу Безбородко, ни к письму Екатерины фактический руководитель восточной политики России Г. А. Потемкин отношения не имел. Никаких следов и намеков на его участие в разработке «проекта» в многочисленных документах архива Потемкиных не найдено¹²³. Нет таких следов и в многочисленных публикациях документов XVIII в., как, например, в

¹²¹ А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 10 февраля 1788 г. «Архив князя Воронцова», кн. XIII, стр. 143.

¹²² А. А. Безбородко — С. Р. Воронцову, 1790 г. (Там же, стр. 182).

¹²³ Фонды этого архива обследованы нами в московских архивах: в Центральном государственном военно-историческом архиве и в Центральном государственном архиве древних актов.

переписке между Екатериной II и Потемкиным. Если бы «греческий проект» существовал как реальный проект государственной политики, дело бы обстояло иначе.

О политике в отношении Турции дают представление инструктивные записки Потемкина для переговоров с Турцией. Так, например, инструкция полковнику Бароцци (1790 г.), предписывая убеждать турок в выгодах мира с Россией, содержала следующее наставление: «Не будет им нужды тогда слушать советов мнимых друзей, которые их доят, как корову. Франция сосет их по торговле и завладела почти всем продуктом; теперь явилась Швеция у них на жалованье... Все указывают на Россию, что она опасна, а между тем, Индию разобрали с ее богатствами под носом у турок по своим рукам и уже сокровища оттоль все везутся вокруг земли морем, которые ходили чрез их владения прежде и обогащали жителей... Желали некоторые выманить у них «Суез», чтобы тут сделать антрепо для коммерции индийской, а притом прибрать египетский торг, а может, и землю. Были охотники и на порт в Кандии, таких друзей много, которые, по пословице — в душу вьют, на словах ласкаются, а в карман лезут... Ежели хотят миру,— писал Потемкин,— его сделать можно скоро, без конгрессов, в которых кроме плутовства ничего нет»¹²⁴.

В «секретнейшей» инструкции Булгакову от 13 декабря 1786 г. Потемкин, приводя аргументы для удержания турок от войны, писал: «Сами они по пространству и великости империи Российской могут видеть, нужно ли ее величеству желать распространения пределов. Сама натура положения мест может им доказать, что большее расширение владений ослабило бы Россию, напротив теперь, когда получением Крыма окружность границ столь совершенно устроена»¹²⁵. Переписка Потемкина с Екатериной свидетельствует о том, что это было его подлинное мнение.

В своей автобиографической записке (сохранился лишь незначительный отрывок ее) Безбородко¹²⁶, как бы оспаривая противоположное мнение, выражал уверенность в том, что «намерение государыни о Греческой монархии серьезно» и может быть исполнено, если «не станут выпускать его из виду, будут принаравливать все действия и пользоваться счастливыми обстоятельствами»¹²⁷. Условная форма этого высказывания свидетельствует о том, что в прошлом, т. е. в 80-х годах, правила, рекомендуемого Безбородко, в восточной политике России не придерживались.

Было бы, однако, неправильно судить о задачах и характере восточной политики России 80-х годов лишь на основании тех или иных единичных, очень часто противоречивых высказываний русских дипломатов: Екатерины II, Потемкина, Безбородко и других, без анализа и критики этих высказываний и без привлечения полного комплекса их. В обстановке всеобщего недоверия и обмана и макиавеллистического характера самой политики те или иные высказывания делались нередко только с целью скрыть истинные намерения. Только при сопоставлении различных высказываний и принимая во внимание обстановку, при которой они делались, кем делались и при ком, с какой целью, можно установить истинный их смысл. Между тем, для доказательства существования проекта завоевания Константинополя обычно ссылаются лишь на отдельные высказывания того или иного деятеля¹²⁸.

¹²⁴ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. VIII, Одесса, 1872, стр. 195—197.

¹²⁵ «Русский архив», № 4, 1865, стлб. 407—410.

¹²⁶ Который, как мы уже отмечали, был, пожалуй, единственным представителем русской дипломатии, воспринимавшим «греческий проект» всерьез.

¹²⁷ Сб. РИО, т. 26, стр. 444.

¹²⁸ Насколько несостоятельны такие доказательства, можно убедиться на следующем примере. В переписке А. А. Безбородко с С. Р. Воронцовым конца 80-х годов

Третье. Если идея захвата Константинополя была идеей реальной политики и если существовал план изгнания турок из Европы, то почему же Россия не только не провоцировала войну, но, наоборот, принимала всяческие меры, чтобы избежать ее? Почему же когда началась война и турки напали на Россию, не только не была заключена секретная конвенция «о вознаграждениях», что предполагалось австро-русским союзным договором 1781 г., но даже и вопрос о ее заключении не поднимался? Ответ ясен: потому, конечно, что теперь уже не было видов на присоединение новых территорий. У французского премьер-министра Монморена было достаточно оснований для уверенности в этом. В беседе с английским послом Иденом (6 октября 1787 г.) Монморен уверял его, что турецкие дела не должны беспокоить Англию и Францию. Император, возможно, будет стремиться к захвату Молдавии и Валахии, императрица же ограничится Очаковым. Константинополь не будет тронут ¹²⁹.

Умеренная политическая программа не исключала, однако, применения во время войны со стороны России самых разнообразных средств борьбы, вплоть до диверсий и антитурецкой пропаганды среди порабощенных Турцией народов.

Четвертое. Программа завоеваний, намеченная «греческим проектом», потребовала бы от государства колоссальных материальных и людских жертв. Внутреннее положение страны не обеспечивало выполнения такой программы. Финансы России были в постоянно расстроеном состоянии. Мероприятия по устройению юга России требовали чрезвычайных затрат. Потрясения крестьянского восстания не были изжиты. Помимо того, Россия не имела ни крупных предпринимательских капиталов, ни сложившегося класса буржуазии, интересам которого соответствовала бы такая широкая завоевательная программа. Экспансия в размерах «греческого проекта» повела бы не к усилению, но, наоборот, к ослаблению страны.

Отсутствие реальной базы для экспансионистских устремлений в размерах «греческого проекта» сказалось на объяснении в историографии самого факта экспансии. Завоевательная программа России 80-х годов объяснялась и объясняется до сих пор, даже в нашей советской литературе, или «духом завоеваний», или «воспламененной мечтой» и воображением Екатерины II, а также ненасытным честолюбием Потемкина и т. п. Нельзя не признать объяснения подобного рода не соответствующими требованиям научного исследования.

Страх перед далеко идущими завоевательными планами России не был, однако, вымысленным, как сами «планы», он действительно существовал. Усилению этого страха постоянно способствовало само русское правительство. «Разговоры» в широких кругах были определенным приемом дипломатической деятельности. «О намерении твоём действовать флотом в разговорах говорено будет по твоему совету». — писала, например, императрица Потемкину ¹³⁰. Помимо того, практиковалось устрашение неприятеля преувеличенными слухами об агрессивных замыслах России в отношении Турции. Правительство публиковало в заграничной печати сообщения о предпринятом им строительстве огромного флота. Об отправлении эскадры в Средиземное море было

встречаются, например, упоминания об «известном большом плане». Из других же документов — из переписки Потемкина с Екатериной и Безбородко совершенно ясно, что в данном случае речь идет о составленном Потемкиным плане определенных мероприятий в Польше в противовес политике Пруссии и Англии в отношении Данцига и Торна.

¹²⁹ Деша Идена — Кармартену, 1 ноября 1787 г. J. H. Rose. The mission of William Grenville to the Hague and Versailles in 1787. «The English Historical Review», vol. 24, 1909, p. 293—294.

¹³⁰ Екатерина II — Г. А. Потемкину, 6 февраля 1790 г. Сб. РИО, т. 42, 1885, стр. 59.

сообщено всем дворам¹³¹. «Припускали» слухи о движении к Константинополю, чтобы принудить к уступчивости и скорейшему заключению мира¹³². «Слухи обычайно увеличивают действие», — говорилось в одном из протоколов Совета императрицы¹³³.

Спекуляция так называемым греческим проектом во второй половине 80-х годов способствовала развязыванию русско-турецкой войны 1787—1791 гг. «Сочувствие» этому «проекту», проявленное английской дипломатией в середине 90-х годов, вызывалось стремлением втянуть Россию в коалицию против Французской республики и побудить ее к активным действиям. В ожидании общей войны России и Австрии с Турцией после третьего раздела Польши, в австро-русский договор 3 января 1795 г. были включены обоюдные обязательства о содействии исполнению ряда пунктов плана, начертанного в письмах от 10 сентября и 13 ноября 1782 г.¹³⁴. Опасаясь нападения Турции и Французской республики, русская дипломатия сделала попытку использовать благоприятно сложившуюся для нее ситуацию на Западе, чтобы вновь поставить и решить очень старый вопрос о создании из Придунайских княжеств независимого буферного государства между Турцией и Россией. Благоприятная ситуация заключалась не только в «благожелательной» позиции Австрии, но и Англии, особенно желавшей получить помощь России в войне с Францией, от которой Россия сначала воздерживалась. В союзном договоре с Россией 7 (18) февраля 1795 г. Англия и Россия дали взаимные гарантии на настоящие и возможные будущие приобретения. Россия обязалась препятствовать торговле нейтральных держав с Францией. Секретной 2-й статьей Англия обязалась помогать России во всякой оборонительной войне против Турции¹³⁵.

Спекуляция «греческим проектом» в середине 90-х годов вновь была обусловлена, таким образом, англо-австро-русским «сближением». Вслед за двумя вышеупомянутыми договорами был заключен 9 (20) мая 1795 г. англо-австрийский договор и, наконец, 17 (28) сентября того же года договор тройственного союза между Англией, Австрией и Россией¹³⁶. Эти договоры являлись торжеством английской дипломатии, и недаром Гренвиль сожалел о том, что договор с Россией не бесспорен.

* * *

Итак, агрессивность восточной политики России 80-х годов была раздута. Реальных проектов завоевания Константинополя, раздела Турции Россия не выдвигала.

Обмен мнениями, происшедший в 1782 г. между Екатериной и Иосифом II, служил реальным целям дипломатической игры, не связанной с завоеванием Константинополя.

Но так как этот обмен происходил в обстановке, характеризуемой глубокими противоречиями европейских держав и макиавеллизмом проводимой ими политики, он послужил основанием легенды о существовании реального русского плана завоевания мирового господства. На самом же деле «греческий проект», который впоследствии не раз использовался во враждебных России целях, как реальный проект внешней политики России 80-х годов XVIII в., не существовал.

¹³¹ То же, 22 февраля 1788 г. Сб. РИО, т. 27, стр. 477; То же, 27 мая 1788 г. (там же, стр. 492).

¹³² В. С. Попов — А. А. Безбородко, 8 октября 1791 г. ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 93, л. 37 и 37об.

¹³³ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 1, стлб. 504—505.

¹³⁴ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. II, Трактаты с Австрией, стр. 243—248.

¹³⁵ Там же, т. IX (X). Трактаты с Англией, стр. 368—383.

¹³⁶ Там же, т. II. Трактаты с Австрией, стр. 252—260.

